

Валерий Николаевич Черкосов родился в 1947 году в городе Благовещенске Амурской области. Автор двадцати книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей. Стихи публиковались во многих столичных и региональных журналах, альманахах, сборниках, антологиях. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», Международной литературной премии «Прохоровское поле», дипломант IV Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Член Союза писателей России. Живет в Белгороде.

Валерий Черкосов

«БЫЛ РЯДОВЫМ СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА...»

(Марк Соболев — поэт и фронтовик)

В Курской битве участвовали и воины, которые уже после Победы стали известными поэтами. Это артиллерист Михаил Борисов, удостоенный за бой под Прохоровкой звания Героя Советского Союза; Виктор Кочетков, попавший в плен около Харькова, бежавший из неволи, воевавший потом комсоргом пехотного батальона; командир взвода ПТР Федор Сухов, награжденный медалью «За отвагу»...

На Огненной дуге, как назвали впоследствии это сражение, «был рядовым стрелкового полка» Марк Соболев — так сказал он о себе в одном из стихотворений.

Кто-то заметил, что если измерять годы рукопожатиями, то, казалось бы, недостижимое прошлое станет не столь далеким. Следуя этому принципу, к примеру, можно сказать, что от меня до Сергея Есенина всего два рукопожатия. То есть я пожимал руку поэту Марку Соболеву, а он, в свою очередь, будучи семилетним мальчиком, сидел за одним столом в Доме Герцена с Сергеем Есениным, слушал, как тот читал стихи. Его отец, писатель Андрей Соболев, дружил с великим русским поэтом. Об этом я узнал из «Избранного» Марка Андреевича, вышедшего в 1989 году в издательстве «Художественная литература», а познакомился с ним значительно раньше, летом 1974 года в Иркутске на совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока.

Поэт был руководителем семинара, в котором обсуждался и я, вернее, мои стихи. Ему было уже

под шестьдесят, он не только участвовал в Великой Отечественной войне, но, как семинаристы говорили, и в тюрьме посидел по несправедливому обвинению, и по стране поскитался, но по внешнему виду — а особенно, по поведению — ничего этого не было видно. Марк Андреевич много шутил, рассказывал забавные истории из писательской «кухни», а то и анекдоты, и вообще казался беззаботным и жизнерадостным, что подчеркивала и пестрая рубаха-распашонка, в которую был одет.

Обсуждения наших виршей проходили бурно, весело, руководитель был добр, порой находил «изюминки» даже в тех стихах, в которых их явно не «ночевало». Особо лестные эпитеты он адресовал поэту из Братска Анатолию Кобенкову, у которого готовилась к изданию вторая книжка «Вечера». Позже авансы, выданные мэтром, Толя оправдал сполна, став известным в России поэтом, хотя большую часть жизни прожил в сибирской провинции.

Я на обсуждение представил в основном пейзажные стихи — следствие тогдашнего увлечения так называемой «тихой лирикой». Марк Андреевич, заметив, что описание соотношения природы и человеческой души, конечно, хорошо, но современностью тоже не стоит пренебрегать, сказал, что из моей рукописи может получиться небольшая добрая книжка. И такой сборник — «Вечные родники» — вышел в 1977 году в Хабаровском книжном издательстве.

Читал Марк Соболев свои стихи. Последнее четверостишие одного из них я сразу запомнил.

Поэт обращается к Пегасу:

Нет, постой — задержимся немножко.
Вот сейчас, не тратя лишних слов,
Посошок мне выдаст на дорожку
Михаил Аркадьевич Светлов.

Впоследствии в том же «Избранном» я прочитал удивительно-проникновенные воспоминания о Михаиле Светлове, с которым Соболев дружил еще с войны, о чем написал так: «Более чем двадцатилетнее общение со Светловым, сердечное его отношение ко мне — вот, может быть, самое дорогое, что я нажил за свою жизнь».

Второй раз я встретился с поэтом-фронтовиком уже в Белгороде. Узнав, что Марк Соболев приезжает к нам на дни литературы, я напросился в бригаду, в которой выступал и он. Если во внешнем виде поэта был некий писательский «шик» — берет, черный тонкий свитер, добротный темно-синий пиджак с орденом Красной Звезды на лацкане, то по манере общаться он был так же очень прост и, насколько помню, не говорил о войне, как любят это делать некоторые ее участники, мол, «театр военных действий был развернут»... А между тем (я это тоже узнал из «Избранного»), он воевал в наших местах, на Курской дуге:

Вот рванусь, проветривая душу,
на места бывлых боев
и опять ночами буду слушать
курских соловьев.
Буду слушать там, где воевали,
тишину...
Встречу на каком-нибудь привале
Бондаренко — старшину.
Он, как прежде, басом хрипловатым
скажет вдруг:
— Малая саперная лопата —
первый друг!..
Помню: под огнем остановилось
время.
День зачах.
А меня он, раненого, вынес
с поля боя на плечах.

Марк Соболев. 1945 г.

восклицаний. Он говорил от имени «рядового стрелкового полка». Марк Андреевич оставил проникновенные воспоминания о друзьях, поэтах фронтового поколения: Михаиле Луконине, Сергее Наровчатове, Семене Гудзенко, Сергее Орлове, Веронике Тушновой, Юлии Друниной и других. Вот слова из его предисловия к одной из книг: «Без них всех, без их придиричивой дружбы и точного понимания, без их плеч и глаз, стихов и споров, не было бы ни этой книги, ни меня самого как писателя. Поэтому мне трудно писать свою отдельную поэтическую биографию. Мы живы друг другом».

В его статьях поэты-фронтовики воспринимаются вовсе не как литературные памятники, а как живые люди с их достоинствами и недостатками, поэтому его мемуарную прозу и сегодня читать интересно.

У Марка Соболя много стихотворений, которые не утратили современности и актуальности. Особенно для поэтов. Цитирую:

Как всемогущи наши руки,
как всевладычна голова!..
Как жаль, что звуки — только звуки,
и что слова — всего слова.

А его жизненная позиция достойна уважения во все и всякие времена: «Годы шли походом, не парадом. / Я у жизни по уши в долгу...».

Но в час ухода, в глупый миг последний,
Я буду верить слепо и проста,
Что всех стихов весомей и бессмертней
Прожитых дней святая суета.

Поэтесса Лариса Васильева в статье «Вся сложность простоты» — о жизни и творчестве Марка Соболя, в частности, — заметила: «Жизнь была в нем, как говорится, ключом. Освобождаясь от тяжких грузов, выпавших в молодости на его долю, он словно оглядывался, ища, какие бы новые грузы взвалить на хрупкие плечи. Будучи человеком литературы, принадлежа ей и сознательно, и неосознанно, он

Во время встречи с читателями во Дворце железнодорожников на сцене мы сидели рядом, и я обратил внимание, что время от времени Марк Андреевич отворачивает борт пиджака, наклоняется к внутреннему карману, после чего от него исходит характерный запах коньяка. Оказалось, у него в кармане стояла небольшая металлическая фляжка с этим напитком. А это было время рьяной горбачевской борьбы с пьянством, поэтому наш куратор от партии или культуры, который тоже присутствовал на сцене, чутко поводил носом, то и дело грозно поглядывая на поэта. Но тот продолжал нырятельные движения к фляжке. Зато когда Марк Соболев выступал, зал его встречал такими аплодисментами, горячими и признательными, которых не удостоился ни один из присутствующих на литературном вечере.

О войне Марк Соболев писал и на фронте, и после победы, и даже в 90-е годы. Но в его стихах почти нет батальных сцен, патетики и

по широте души стремился поделиться своим опытом с молодыми. Еще в те годы я задумалась, почему именно Марк Соболев так популярен и любим в среде молодых поэтов разных направлений? Ответ возник сразу: он молод душой...» Этому и я был свидетелем.

Открыл на днях литературный альманах «Приамурье мое», который вышел в родном Благовещенске ровно полвека назад. В нем впервые была опубликована подборка моих стихотворений. Читаю содержание: «Андрей Соболев. На амурской колесухе. Главы из книги “Записки политкаторжанина”». Оказывается, отец Марка Соболева до революции отбывал каторгу в наших амурских краях, строил восточную часть нынешней Транссибирской магистрали.

Вот как неожиданно закольцевались мои воспоминания о поэте-фронтовике.

